

144-2
«Каспий» (Баку) 1896, 9 января, № 5

с. 2.

Наши журналы

(...), «Ариадна», рассказ А. Чехова. «Русская мысль», декабрь

Ольга Платоновна не любила своего мужа; от нея вяло холодомъ, и она жестоко ошиблась, что можетъ вѣчно оставаться „первымъ номеромъ“. Рано или поздно, а мужъ долженъ былъ бросить ее.

Объ семейныхъ драмы, такимъ образомъ, говорятъ намъ о старой, вѣчной хорошо известной, но и всѣмъ забытой истинѣ, что не въ деньгахъ счастье, что не прочно оно, если основано на нихъ. Тема—современная, полная глубокаго интереса; разработана она г. Боборыкинымъ съ обычнымъ этому писателю мастерствомъ, но за всѣмъ тѣмъ отъ повѣсти его вѣетъ такимъ же холодомъ, какъ и отъ Ольги Платоновны. Нѣтъ ни одной страницы, гдѣ бы вы чувствовали бѣшеніе настоящей жизни, гдѣ бы говорило чувство. Все въ повѣсти г. Боборыкина литературно, опрятно, но вы видите какой то протоколъ о двухъ бракоразводныхъ дѣлахъ, не больше. Жизни, ея художественнаго воспроизведенія не ищите въ ней; не найдете.

И скучно, и вяло.

Такое же вялое впечатлѣніе оставляетъ по себѣ и рассказъ г. Чехова—„Ариадна“, въ декабрьской книжкѣ *Русской Мысли*.

Какой-то молодой человѣкъ, красивый, образованный, обеспеченный, увлекается красивой, обаятельной, но холодной и развращенной до мозга костей дѣвушкой Ариадной. Она знала объ этой любви, но, въ несчастіе, это была одна изъ тѣхъ узко-эгоистичныхъ, пустыхъ и пошлыхъ натуръ, беспособныхъ на одно сильное чувство, которые только и мечтаютъ о томъ, какъ бы очаровывать, пѣнать и сводить съ ума своихъ поклонниковъ.

Ариадна числилась уже невѣстой молодого человѣка, какъ вдругъ ее точ-

но муха какая укусила: она задумала отправиться въ Италію съ какимъ-то Лубковымъ, развратнымъ хащемъ, полной ничтожностью. Тамъ они сошлись. Несчастный влюбленный въ это время томился въ деревнѣ. Какъ вдругъ онъ получаетъ отъ нея письмо. Слѣзая съю-же минуту въ Италію и занимаетъ мѣсто Лубкова. Вскорѣ они надѣли другъ другу, вернулись въ Россію, и герой сталъ подумывать о бракѣ съ Ариадной, хотя уже не выносилъ ее. „Принципъ прежде всего“,—говорилъ онъ. На его счастье пріѣхалъ старый поклонникъ Ариадны князь Мантуевъ и, кажется, готовъ былъ жениться на Ариаднѣ. Герой нашъ молить небо, чтобы это случилось.

Что произошло дальше—г. Чеховъ не говоритъ, да и не интересно это было бы, какъ не интересенъ и весь рассказъ.

Признаться, насъ крайне удивило и поразило, что такой вдумчивый писатель, какъ г. Чеховъ, съ такимъ талантомъ, сердцемъ и умомъ, могъ написать подобную безцвѣтную вещь, съ чуждыми ему, если такъ можно выразиться, боборыкинскими особенностями.

Въ произведеніяхъ г. Чехова мы привыкли встрѣчать оригинальный стиль, вдумчивый взглядъ, сердечный, трогательный тонъ и глубокий анализъ души. Ничего подобнаго въ его новомъ рассказѣ нѣтъ, какъ будто его писала другая рука. Что значитъ сей сонъ? Неужели-жъ канувшій въ вѣчность прошлый годъ унесъ съ собою и дарованіе г. Чехова? Пожаримъ—увидимъ.

Амфи.